

Хуа Цюань отхлебнул холодного вина и произнес:

— Кто же не хочет попасть в покои третьей госпожи? А кто хочет оказаться у второго молодого господина? Я не могу гарантировать, но постараюсь устроить так, чтобы хотя бы держаться от него подальше.

А Ин вздохнула и сказала:

— Второй молодой господин уже стал чиновником при дворе, почему он всё ещё ссорится с детьми? За столько лет он совсем не изменился.

— Ребенок? — Хуа Цюань поставил чашку на стол. — Только ты считаешь его ребенком. У наших соседей, семьи Чэнь, дочь всего на два года старше Сяохуа. В позапрошлом году её купили, чтобы сделать маленькой невесткой для их сына. В первый день Нового года она вернулась в родительский дом, уже с ребенком на руках.

А Ин замолчала, устремив взгляд на сына, и вздохнула:

— Всё равно придется терпеть обиды. Думаю, лучше бы он остался с нами.

Хуа Цюань должен был вернуться в дом Шэн в час тигра, поэтому пошел спать. Мать с сыном поговорили еще немного, затем собрались и легли спать, не зная, когда смогут снова увидеться.

Вскоре наступил второй месяц. Хуа Чжаошуй так и не попал в покои третьей госпожи, известной своим мягким характером, а оказался у старшей госпожи. Старшая госпожа часто предавалась молитвам перед статуей Будды, не любила создавать трудности людям и была бережлива. Девушки в её покоях были добры, и жизнь Хуа Чжаошуя шла относительно спокойно.

Он прожил у старшей госпожи два года. Все девушки знали, что он боится второго молодого господина. Каждый раз, когда тот приходил с визитом вежливости, Хуа Чжаошуй старался держаться подальше, предпочитая колоть дрова на кухне, чем подавать чай этому господину.

Иногда избежать встречи не удавалось, и тогда второй молодой господин начинал его дразнить, заставляя петь. Иногда, если настроение господина было плохим, приходилось слушать его холодные насмешки. К счастью, это были покои старшей госпожи; как бы ни был раздражен молодой господин, он не посмеет здесь бить и убивать.

Обычно, когда старшая госпожа не читала молитв, она сидела и болтала с девушками, иногда просила Хуа Чжаошуя спеть пару строк. Он выбирал несколько удачных строк из опер, чтобы угодить хозяйке.

В этот день солнце стояло доброе. Старшая госпожа сидела во дворе, слушая болтовню девушек. Хуа Чжаошуй поливал цветы в стороне. Старшая служанка Су Сюэ, которая находилась при госпоже и чистила миндаль, подошла к нему и сунула горсть орехов:

— Госпожа зовет тебя спеть пару строк. Пошевеливайся, иди скорее.

Хуа Чжаошуй принял орехи, подошел, поклонился и, взмахнув рукавом, начал петь. Но едва он пропел две строки, как услышал голос:

— Госпожа слушает музыку?

Голос был слишком знакомым. Хуа Чжаошуй вздрогнул и поспешил ретироваться.

Госпожа поманила рукой:

— Иди сюда, Цзяньвэй, садись сюда.

Заметив, что он всё еще одет в мундир офицера Императорской гвардии, она добавила:

— Почему ты даже не успел переодеться? Что-то случилось?

Шэн Цзяньвэй сел рядом и сказал:

— Ничего особенного. Я как раз собирался во дворец, сегодня у меня ночное дежурство. Боялся, что не успею зайти к вам с приветствием, поэтому заглянул заранее.

Он огляделся по сторонам и добавил:

— У меня в покоях тоже распределили актера, только поет он неважно. Я только что слышал, как этот поет, и довольно неплохо. Как его зовут?

Су Сюэ подтолкнула оцепеневшего Хуа Чжаошуй вперед:

— Молодой господин, у вас чуткий слух. Из этих десяти с лишним актеров он самый красивый и поет лучше всех — иди, поклонись господину.

Хуа Чжаошуй в страхе совершил земной поклон и, заикаясь, назвал свое имя.

Его вид рассмешил госпожу:

— Чего ты встал на колени? Вставай и говори.

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него некоторое время и сказал:

— Этот мальчик кажется мне до боли знакомым.

Мин Юй быстро напомнил пару деталей, Шэн Цзяньвэй «о»-кнул и улыбнулся:

— Неудивительно, что он так перепуган.

Госпожа недоуменно спросила:

— Какие вы загадки говорите?

Су Сюэ подошла сзади к госпоже и объяснила:

— Это дело позапрошлого года, на Празднике фонарей. У этого Сяохуа сердце слабое, он перед молодым господином слов связать не мог, чем разгневал его. Господин пригрозил вырвать ему язык, и он до сих пор не может прийти в себя.

Госпожа с укором посмотрела на второго молодого господина:

— Зачем ты с ним расплачиваешься? Неудивительно, что он при виде тебя ведет себя как мышь при виде кота.

Шэн Цзяньвэй улыбнулся:

— Я так, к слову сказал. Кто бы знал, что у него такой маленький дух.

У того трусливого актера даже головы поднять не смел. Второй молодой господин поманил рукой:

— Подойди, я посмотрю.

Хуа Чжаошуй, дрожа, подошел. Шэн Цзяньвэй поднял руку и сжал его подбородок, с улыбкой разглядывая некоторое время. Видимо, настроение у него было недурное:

— Ты так меня боишься?

Хуа Чжаошуй был вынужден смотреть ему в глаза. Этот господин сейчас улыбался, и выглядел не таким страшным, даже немного красивым. Он заикаясь вымолвил:

— Не-нет.

Шэн Цзяньвэй встал, провел рукой по его волосам и сказал:

— Ну и ладно. Сейчас смотрю — уже не так похож на маленькую девочку. Пора мне, когда вернусь из дворца, снова зайду к госпоже с поклоном.

Старшая госпожа кивнула:

— Иди.

Вскоре госпоже тоже пора было на отдых. Хуа Чжаошуй снаружи помогал убираться. Су Сюэ, уложив госпожу, вышла обратно и, потянув его, зашептала:

— Не бойся его так сильно. Сегодня он уже при госпоже сказал, и молодой господин больше не будет так тебя пугать.

Хуа Чжаошуй кивнул:

— Только когда господин злится, это очень страшно. У меня сердце не на месте.

Су Сюэ улыбнулась:

— Будь спокоен, если он и будет беситься, то не посмеет реально вырвать тебе язык. Успокойся.

Хуа Чжаошуй тоже улыбнулся ей в ответ:

— Тогда я не так боюсь.

На Праздник середины осени в доме Шэн устраивали семейный банкет, и актеры вернулись в Западный сад, чтобы продолжить тренировки. Так было уже два года: в обычные дни они служили в покоях различных хозяев, а чтобы выйти на сцену и спеть арии, возвращались, чтобы разогреть голоса.

Банкет прошел гладко. Хуа Чжаошуй переоделся и собрался домой, но по дороге его перегородили — с такой ситуацией он сталкивался каждый год. Однако Су Сюэ учила его: стоит лишь сказать, что он из покоев старшей госпожи, и посторонние гости из внешнего мира не станут слишком сильно приставать.

На этот раз он только закончил говорить, как тот человек открыл рот:

— Я, конечно, знаю, что ты из покоев старшей госпожи.

Хуа Чжаошуй рефлекторно чуть не рухнул.

Шэн Цзяньвэй поддержал его:

— Как, не можешь выпить пару чашек даже со мной?

Хуа Чжаошуй поспешно затряс головой, потом закивал:

— Могу... могу выпить.

После этих слов он был «захвачен в плен» этим господином в небольшой павильон, скрытый от ветра. Снаружи были заросли пионов, качавшиеся в лунных тенях; стоит чуть высунуть голову — и как раз можно увидеть полную луну над головой.

Ему настояли несколько чашек вина, и щеки разгорелись. Боясь, что если выпьет слишком много, то снова обидит господина, он хотел встать и сказал:

— Господин пьет, я лучше господину спою пару строк.

Шэн Цзяньвэй обхватил его талию и усадил обратно:

— Сегодня господин не слушает арии, хочу посмотреть, как ты пьешь.

Голова у Хуа Чжаошуй пухла, он сам не понимал, когда оказался на коленях у этого господина. В полубессознательном состоянии его снова заставили выпить несколько чашек. Он действительно больше не мог, от запаха вина его мутило, он поднял руку, чтобы отгородиться.

Тон Шэн Цзяньвэя изменился:

— Ты стал звездой, и я должен умолять тебя, чтобы ты выпил еще пару чашек, да?

Хуа Чжаошуй чувствовал, как внутри всё сжалось, поспешно сказал:

— Нет... больше не могу, господин. У меня нет никакой выносливости к вину, господин, пощадите.

Шэн Цзяньвэй увидел, что он всё время прижимает руку к груди, поставил чашку и спросил:

— Сейчас домой идти будешь?

Хуа Чжаошуй кивнул.

Шэн Цзяньвэй провел пальцем по его горячей щеке, улыбнулся и сказал:

— Не возвращайся, сегодня ночуй у меня.

Хуа Чжаошуй вздрогнул, речь снова пошла кувырком, только через полминуты выдавил фразу:

— Господин... нельзя... только старшая госпожа решать должна.

— Ты госпожой на меня давишь, что ли?

Хуа Чжаошуй был и напуган, и ему было плохо, он сказал:

— Нет... я боюсь, что старшая госпожа рассердится...

Как только он это сказал, его тошнит. Он спешил прикрыть рот рукой, хотел убежать, но обнаружил, что талия стянута. Он в панике пытался вырваться, невнятно пробормотал:

— Господин, меня тошнит, отпустите...

Шэн Цзяньвэй не услышал, всё еще ладонью мерил его талию:

— Талия такая узкая, чтобы петь оперу, разве не ешь?

Хуа Чжаошуй икнул, и когда та беспорядочная ладонь снова провела по его талии, он больше не выдержал и вырвал на этого молодого господина.

Мин Юй до этого притворялся слепым, но сейчас и сам перепугался, поспешно крикнул людям, чтобы оттащили этого актера, который vomiting into darkness, и суетливо вытирал одежду этого молодого господина с черным лицом. В итоге сначала пришлось вернуться в покои и переодеться.

<http://bllate.org/book/16756/1562724>